

Человек – творец или разрушитель?

*И. В. Егорова (Институт философии Российской академии наук)**

Man: creator or destroyer?

I. V. Egorova (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: Человек по натуре своей творец. Творчество – вид деятельности человека, порождающий новые и неповторимые ценности, идеи, предметы, отличающиеся оригинальностью, а также совокупность свойств личности, включенной в процесс творчества. Однако человек нередко выступает и как разрушитель. Так что же в большей степени определяет человеческую природу?

Ключевые слова: человек, личность, человеческая природа, субъект, творчество, разрушение, садизм, деструктивность.

Abstract: Man is a creator by his nature – this kind of human activity produces new and unique values, ideas, things notable for their originality, and also encompasses the characteristics of the personality involved in the process of creation. However, man often acts as a destroyer. So what determines human nature to a greater degree?

Key words: man, personality, human nature, subject, creation, destruction, sadism, destructivity.

Ни одна область целенаправленной людской активности, как и человеческая деятельность в целом, не была предметом столь пристального изучения и внимания, как творчество. Эта деятельность, направленная на создание никогда ранее не существовавшего, поэтому она отличается неповторимостью, оригинальностью и уникальностью. В результате творчества создаются новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образы и знания. Творчество – многоликий феномен. Поэтому разные грани творчества становились предметом исследования в различные эпохи. Внутри творчества проступали разные аспекты – объектный, эмоциональный, информационный, коммуникативный, психологический, личностный.

Кто является субъектом творчества? Можно поставить этот вопрос иначе: творит природа или человек? Если рассматривать «креативность» в качестве онтологической основы мира, то возможен и такой ответ: и природа, и человек... Идея «творящей природы» не нова. Ее можно обнаружить в мифах всех народов. Пантеизм как учение о том, что есть Бог, немислим без этой мировоззренческой установки. Универсум живет, растет в процессе

* Егорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 697– 89– 96.

творческого сознания и свободно развивается в соответствии с внутренне присущим ему стремлением к жизни, жизненным порывом. В той же мере психический индивид, по А. Бергсону, представляет собой текучее, не связанное разумом неделимое многообразие. Жизнь может быть постигнута благодаря собственному переживанию, интуиции. «Я вдыхаю запах розы, и в моей памяти тотчас воскресают смутные воспоминания детства. По правде сказать, эти воспоминания вовсе не были вызваны запахом розы; я их вдыхаю с самим этим запахом, с которым они слиты. Другие воспринимают этот запах иначе. Вы скажете, что это все тот же запах, но ассоциированный с различными представлениями. Я с вами согласен, но не забывайте, что вы сначала исключили из разных впечатлений, полученных от розы, все личное. Вы сохранили только объективный аспект, то, что в запахе розы относится к общей области и, так сказать, к пространству. Впрочем, лишь при этом условии можно было дать розе и ее запаху особое название. И тогда пришлось бы для различения наших индивидуальных впечатлений присоединить к общей идее запаха розы специфические свойства» (Человек, 1991).

Творчество – это антропологический, психологический феномен. «Творчество природы» – действительно, не более чем метафора. Отождествление «творчества природы» с «творчеством человека» на самом деле обедняет сам феномен. Он лишается демиургического, человеческого измерения. Именно благодаря появлению сознания, сложного и неисчерпаемого мира психики рождается огромный потенциал творчества.

В процессе творчества некоторые ученые-естествоиспытатели выделяли несколько стадий – от зарождения замысла до момента, когда в сознании возникает новая идея. Поскольку озарение происходило на интуитивном уровне, решающая роль творчества отводилась иррациональным факторам. Однако экспериментальная психология показала, что в процессе творчества сознательное и бессознательное, интуитивное и рассудочное дополняют друг друга.

Исследования акта творчества получили интенсивное развитие в связи с разработкой новой системы тестов, поскольку прежние давали низкую оценку способностей, когда испытуемые проявляли нестандартность мышления (М. Г. Ярошевский).

Интерес к акту творчества, к личности гения – характерные черты нового времени, выраженные в современных направлениях философии – экзистенциализме, прагматизме, неопозитивизме. Юнг отмечает сходство духовного творчества в медитации и «благоговейного созерцания», рождающего озарение. Предпринимаются попытки технического моделирования процесса поиска и открытия нового знания.

Самое ценное в человеке – его потенциал. Однако человек – не только творец, он и разрушитель. Ж. Батай, обращаясь к опыту XX века, обнаруживает противоречивость человеческой природы. «Если взять крайности, существование в основе своей всегда благопристойно и упорядоченно: труд, забота о детях, благожелательность и лояльность определяют взаимоотношения людей; с другой стороны, мы имеем разгул безжалостного насилия; в определенных условиях те же самые люди начинают грабить, поджигать, убивать, насиловать и подвергать своих собратьев пыткам». Это относится не только к отдельному человеку, но и к социальным группам, народам: «те же народы и чаще всего те же люди ведут себя то как варвары, то как цивилизованные существа» (Батай, 2010).

Исследовав социальную практику фашизма, Ж. Батай задается вопросом: не несет ли человек в своей душе «непреодолимое стремление к отрицанию всего того, что под названием разума, пользы и порядка положило в основу своего существования человечество? Не является ли, другими словами, бытие с необходимостью одновременно утверждением и отрицанием своего существования?» (Батай, 2010).

Батай склонен полагать, что садизм является не отклонением от человеческой природы, а ее врожденным свойством. Каждый человек, пусть в изначальном, дремлющем состоянии, однако заражен садизмом. Но как оценивать это обнаружение человеческой природы? Возможно, это некий атавизм, нарост, который некогда выполнял определенную функцию, стал ненужным и стоит только пожелать и его можно удалить. Но есть и другое предположение. Разрушительность – неотъемлемая часть человека, его «сердцевина». Трудно представить, что верно первое предположение, которое позволило бы человеку построить мир без войн и насилия. Но не безнадежна и вторая версия. Здесь приобретает актуальность подавление этой привычки, этой бесчеловечной практики, что выступает как важнейшая задача современного человека.

В итоге своих размышлений Ж. Батай вынужден был предположить:

1. наличие в людях непреодолимой тяги к разрушению и фундаментальное допущение истинного и неизбежного стремления к уничтожению всего рождающегося, растущего и стремящегося к жизни;
2. сакральную самоцельность этой тяги;
3. известную неизбежность этой тяги, которая позволяет обновлять жизнь не позволяет человечеству окончательно захиреть;
4. возможность нейтрализации этой деструктивности. Важно прийти к самосознанию и ограничить сферу действия пагубных средств.

«Анатомия человеческой разрушительности» – пожалуй, самая лучшая работа Эриха Фромма. В ней обобщены многочисленные попытки

исследователя дать целостное представление о реформированном психоанализе, о специфике философско-антропологической рефлексии. Книга имеет энциклопедический характер: автор раскрывает широчайшую панораму биологических, психологических, антропологических учений. В ней изложены открытия, которые, как мне кажется, еще не получили должного признания в европейской науке. Разрушительное в человеке философски переосмыслено Фроммом как проблема зла в индивиде, в социуме, в истории, в жизни человеческого рода.

Фромм в этом отношении следует за З. Фрейдом. Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной степени определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт человеческой психики – само существование которого отрицалось рационалистами, – но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Фрейд в числе первых, уже в 1914 году, вскрывает поразительное «крушение иллюзий», отрицание всех ограничений, которым подчиняются в мирное время. «Слепое бешенство», гнездящееся в подсознании наших цивилизаций, показал он, – опрокидывает все, что встает на его пути, будто после него нет ни будущего, ни мира.

В те годы изобретатель психоанализа принимается вычислять загадочное «стремление к смерти». Оно вырисовывается потихоньку, по ту сторону принципа наслаждения, свиваясь и клубясь под шумным воркованием и лукавыми проделками Эроса. Однако после 1918 года и особенно после 1945 года, образ человека стал невообразимым, а идея человечности обрела двусмысленность. В мрачной тени планетарных курганов из мертвых тел возникают предварительные вопросы: что бесчеловечно в человеке? Что заставляет отчаиваться? Именно на эти вопросы нужно ответить в первую очередь.

«Крушение иллюзий» Фрейда можно рассматривать как разочарование, как внезапное прозрение. Ужасные испытания вырывают людей из обманчивых убежищ, выхватывают из конфетно-розовых снов. Обнаруживается трагически-жестокий урок реальности. И все же Фрейду не удалось осознать полную меру падения человека. Фромм отмечает, что он был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные ею границы. «Эти границы не позволили ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни» (Фромм, 2004: 30).

Но те же самые трудности встали и перед Фроммом. Он был склонен связывать феномен разрушительности с садо-мазохистскими стремлениями человека. С одной стороны, он стремился отличать их от разрушительности, с другой – подчеркивал их взаимосвязанность. Разрушительность, по мнению Фромма, отличается уже тем, что ее целью является не активный или пассивный симбиоз, а уничтожение, устранение объекта. Однако корни у этих феноменов общие – бессилие и изоляция человека. Попробуем воспроизвести логику вандала: «если я не могу избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, то я могу уничтожить его. Разумеется, если мне удастся это осуществить, то я окажусь в полном одиночестве, если вообще уцелею. Но это будет блестящее одиночество. Это такая изоляция, в которой мне не будут угрожать никакие внешние силы. Разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру уничтожить меня». Цель садизма – поглощение объекта, цель разрушительности – его устранение. Садизм стремится усилить одинокого индивида за счет его господства над другими, разрушительность – за счет ликвидации любой внешней угрозы.

Вот еще парадокс, на который обращает внимание Э. Фромм. Разрушительность почти всегда облекается в рационалистические одежды. Иначе говоря, она не просто существует, но еще и обосновывается, обретая собственные резоны и аргументы. Пожалуй, нет ничего на свете, что не использовалось бы как рационализация разрушительности, – восклицает Фромм. Любовь, долг, совесть, патриотизм – их использовали и используют для маскировки разрушения самого себя и других людей.

Но Фромм проводит различие между двумя видами разрушительных тенденций. В конкретной ситуации эти тенденции могут возникнуть как реакции на нападение, угрожающее жизни или идеям, с которыми он себя отождествляет. Разрушительность такого рода – это естественная и необходимая составляющая утверждения жизни. Но есть иная разрушительность. Она является постоянно присутствующей внутренней тенденцией и ждет лишь повода для своего проявления. Разрушительные – это проявления внутренней страсти, которая всегда находит какой-нибудь объект. Если по каким-либо причинам этим объектом не могут стать другие люди, то разрушительные тенденции индивида легко направляются на него самого.

Итак, в течение многих столетий складывалось впечатление, что человек – разумное существо. Разумеется, философы знали о существовании зла, но полагали, что человек в основном живет в пространстве добра. Даже такой философ, как Т. Гоббс, который рассматривал жажду власти и враждебность людей друг к другу как движущие силы истории, не настаивал на полной

«испорченности» человека. Он объяснял иррациональность человеческого поведения диктатом личных интересов. Поскольку люди одинаково стремятся к счастью, считал он, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба. Люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе и на будущее то, что они имеют сегодня.

Однако добро и зло не рождаются безотносительно к человеку. Едва возникает вопрос, в чем истоки зла, мысль неотвратимо обращается к философскому постижению человека: добр ли, зол ли он по самой своей природе.

Фромм рассматривает феномен разрушительности через образ Танатоса, описанный у Фрейда. Австрийский психиатр понял, что деструктивные тенденции столь же важны, как и сексуальные влечения, и пришел к выводу, что в человеке проявляются два основных стремления: стремление к жизни, более или менее идентичное сексуальному «либидо», и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Фрейд предполагал, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, может быть направлен против самого человека, либо против тех, кто считается его объектом. Кроме того, он предположил, что инстинкт смерти биологически заложен во всех живых организмах и поэтому является необходимой и неустранимой составляющей жизни вообще. Жизнь вопиет, защищаясь от смерти.

Важная антропологическая проблема может быть сформулирована вопросом: человек – волк или овца. В древнейшей философии мы находим полярные точки зрения на эту проблему. Китайский философ Мэн-цзы полагал, что человек изначально добр. Заставлять человека творить зло – значит принуждать человека совершать нечто противоестественное. «Человечность – это сердце человека» (Человек, 1991: 26). Но вот и противоположная точка зрения Сюнь-цзы: «Человек имеет злую природу» (Человек, 1991: 27).

Зло в истории философии рассматривается как некая универсалия культуры. «Оно охватывает негативные состояния человека: старение, болезнь, смерть, нищету, униженность, – и силы, вызывающие эти состояния: природные стихии, общественные условия, деятельность людей. Понятие морального зла определяет то, чему противодействует мораль, что она стремится устранить и исправить: чувства, взгляды, намерения, поступки, качества, характеры» (Скрыпник, 2001: 154).

Есть ли зло только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, владеющая нашим миром, так что для успешной борьбы с ней нужно иметь

точку опоры в ином порядке бытия. Этот жизненный вопрос может исследоваться лишь в целой этической системе.

Зло имеет собственные истоки. Русский философ С. Л. Франк писал: если бы человек был безгрешен, если бы вся жизнь человека была религиозно освящена, составляло бы гармоническое богочеловеческое единство, Бог сам действовал бы в человеке. Но фактически человек есть греховное существо. Наряду с автономной волей, выражающей его связь с Богом, он обладает еще самочинной волей, которая сама есть условие греха и которая влечет его к греховным действиям, разрушая или по крайней мере повреждая нормальную, гармоничную основу его бытия. Автономная воля – стремление к добру и правде – практически неотделима в душевной жизни от воли самочинно-греховной. Конкретно к ней всегда примешивается элемент произвольности, корысти, гордыни и пристрастия.

Праведное моральное негодование неразлично слито со злобой, ненавистью и мстостью и легко в них вырождается (Франк, 1997: 389). Активное сопротивление злу незаметно переливается в греховное властолюбие, в губительный деспотизм. Исторический опыт всех духовно-общественных движений, направленных на благую цель, показывает, что они нередко вырождаются, увлеченные греховными силами властолюбия и корысти, переходят в состояние, когда лозунги добра и святости становятся лишь лицемерным прикрытием греховных человеческих вожделений, и жизнь не только совершенствуется, а, напротив, начинает еще больше страдать от господства зла. Всякая власть развращает, невольно склоняет человека к самовозвеличиванию.

Зло, как правило, настаивает на том, что добро и зло неразличимы. Некоторые этические системы несовместимы с признанием разницы между добром и злом, между красотой и безобразием. Но, становясь на такие позиции, лучше вообще не рассуждать о нравственных и эстетических предметах. Всякое зло может быть сведено к нарушению взаимной солидарности и равновесию частей и целого. К тому же в сущности сводится всякая ложь и всякое безобразие. Когда нечто частное, скажем, эгоизм утверждает себя в качестве некоей абсолютности, это можно рассматривать как зло.

Христианство, как оно представлялось первым своим проповедникам, вовсе не стремилось к какому бы то ни было общественному перевороту: вся задача его состояла в религиозно-нравственном возрождении отдельных людей ввиду наступающей кончины мира. Признавая государство только как сдерживающую, репрессивную силу, христиане отнимали у него всякое положительное, духовное содержание. Для первоначальных христиан вселенная разделялась на два царства – царство Божие, состоявшее из них

самых, и царство злого начала, состоявшее из упорных язычников. Такое воззрение развивалось, например, Августином Блаженным в его книге «О граде Божиим».

Христиане считали, что надлежит не искушаться видимым господством зла и не отрекаться ради него от невидимого добра – это подвиг веры, хотя зло кажется повсеместным, неуничтожимым...

Действительно для служения добру человеческая природа кажется вполне готовой и пригодной. В достижении общественного идеала все дурные страсти, все злые и безумные стихии человечества найдут себе место и назначение. Такой общественный идеал стоит всецело на почве господствующего в мире зла. Он не предъявляет своим служителям никаких нравственных условий, но ему нужны не духовные силы, а физическое насилие. Такой идеал требует от человечества не внутреннего обращения, а внешнего переворота.

Русские религиозные философы считали человеческую природу злой в своем исключительном эгоизме и безумной в своем стремлении осуществить этот эгоизм. Человек, который, к примеру, основывает свое право действовать и переделывать мир по-своему по существу убийца. Он неизбежно будет насиловать и сам неизбежно погибнет от насилия.

Зло бывает или безусловное (как, например, смертный грех, вечная гибель), или же относительное, то есть такое, которое может быть меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (например, хирургическая операция для спасения жизни). В. С. Соловьев иллюстрирует эту мысль таким примером. Всякий согласится, что выбрасывать детей из окна на мостовую есть само по себе дело безбожное, бесчеловечное и противоестественное. Однако если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастных младенцев из пылающего дома, то это ужасное дело становится не только позволительным, но и обязательным. «Очевидно, правило бросать детей из окошка в крайних случаях не есть самостоятельный принцип наравне с нравственным принципом спасания погибающих; напротив, это последнее нравственное требование остается и здесь единственным побуждением действий; никакого отступления от нравственной нормы здесь нет, а только прямое ее приложение способом хотя неправильным и опасным, но таким, однако, который в силу реальной необходимости оказывается единственно возможным при данных условиях» (Соловьев, 1998: 464).

Представители философской антропологии полагают, что личность не является ни доброй, ни злой. Человеческая природа такова, что человек одинаково способен и на добро и на зло. В рамках этого направления философской мысли этически ценным (добрым) признается поступок такого

человека, который предпочитает злу добро в любой конкретной ситуации, но непременно по свободному выбору.

Многие столетия длится это теоретическое противостояние, и в нем отражена двойственность, открытость человеческой природы. Противостояние это динамично: то одна, то другая точка зрения становится господствующей, отодвигая противоположную, так сказать, в тень.

Список литературы

Батай, Ж. (2010) Ницше. М.

Глюксманн, А. (2006) Философия ненависти. М.

Скрыпник, А. П. (2001) Зло // Этика. Энциклопедический словарь. М. – С. 154.

Соловьев, В. С. (1998) Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.

Франк, С. Л. (1997) Реальность и человек. М.

Фромм, Э. (2004) Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.

Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии (1991) / сост. П.С. Гуревич. М.